

Ирина Зуева

БОЛЬШОЙ БАЛКАНСКИЙ ДЕМОНТАЖ

*Мир видимый и мир невидимый – как тень и реальность,
как символ и дух, как слова и смысл¹.*

Владыка Николай Велимирович

Не напрасно столетиями Балканы именуют *пороховой бочкой* Европы. Судя по концентрации больших и малых войн и конфликтов на этой территории, есть в ней нечто порочно-притягательное как для ближайших европейских соседей, так и для *недремлющего ока* заокеанских *правдоискателей*. Прежде всего, попробуем проследить динамику развития событий с того момента, когда на мировую политическую сцену вышли Соединенные Штаты и начал формироваться новый мировой порядок – с момента окончания Второй мировой войны.

TITOLAND: ЗОЛОТОЙ ВЕК СФРЮ (1945–1991)

Югославия того времени вышла из войны с репутацией борца и победителя. Как и прочие европейские державы, она не справилась бы без братской помощи советских войск, но и не уронила бы достоинства, самостоятельно сражаясь за свою свободу (для сравнения: при освобождении Европы СССР потерял 600 тыс. своих солдат в Польше, 280 тыс. – в Чехословакии и Венгрии и 8 тыс. – в Югославии). Современная Сербия не забывает и чтит подвиги Красной армии в дни Второй мировой. Бережно храня память погибших, сербы вот уже 65 лет ухаживают за надгробиями русских солдат и сражаются за возвращение улицам Белграда названий, данных им в честь избавителей города от немецких захватчиков в 1944 г. Для большинства жителей значительным событием стал недавний приезд президента Д.А. Медведева, приуроченный к годовщине освобождения столицы от фашистов. Впрочем, к этому визиту лучше вернуться позже при более детальном рассмотрении ситуации в сегодняшней Сербии.

Вопреки надеждам измученного войной человечества на начало новой эпохи примирения и безопасности, вскоре по завершении конфликта мировое сообщество стойко разделилось на два пассивно конфликтующих полюса.

В новой ситуации передела за Югославией закрепилась *альтернативная* позиция. После политической ссоры двух коммунистических диктаторов – Сталина и Тито – отношения двух стран перешли к фактической конфронтации: в 1948 г. Союз коммунистов Югославии был исключен из состава Информбюро, договоры о дружбе и взаимопомощи были расторгнуты, обе стороны без устали критиковали идейно-политическую стратегию бывших партнеров. Тито первым из коммунистических лидеров отважился на размежевание со сталинизмом, а Социалистическая Федеративная Республика

А
Н
А
Л
И
З

Югославия (СФРЮ) начала искать собственный путь к коммунизму, чьими характерными чертами стали широкие полномочия предприятий, рабочее самоуправление, рыночные тенденции в экономике, либеральная политика в культурной сфере. Характерно, что после смерти И.В. Сталина руководство Югославии не поменяло траекторию движения, а дистанция между странами сохранялась.

Трудно сказать, в какой степени *рука Запада* дирижировала подобным развитием событий и насколько личные убеждения *товарища* Тито (о гедонизме которого уже тогда слагались легенды) совпадали со стратегической линией противников коммунизма. Очевидно лишь то, что противостояние двух стран было Западу весьма *на руку*. Всячески популяризируя идею нового социализма *с человеческим лицом*, западные страны радушно открыли Югославии свои объятия: с конца 1960-х гг. в Белград устремляются многочисленные правительственные делегации; сам Иосиф Броз превращается в желанного гостя монархов и президентов.

В интересах Соединенных Штатов и их европейских союзников было поддержание югославского вождя *на плаву*, в частности, в качестве примера успешного и безболезненного выхода отдельно взятой державы *с советской орбиты*. Постепенно авторитет Югославии и ее харизматичного лидера достиг такого уровня, что даже их самостоятельные действия на международной арене не наталкивались на сопротивление. Существенным фактором мировой политики в тот период стало основанное в 1955 г. Движение неприсоединения и созывавшиеся с 1961 г. регулярные конференции неприсоединившихся стран на высшем уровне, во многом обязанные своими достижениями бессменному президенту. Успешно балансируя между Востоком и Западом, Тито не упустил предоставившегося ему шанса и занял главенствующую позицию в появившейся в середине 1950-х гг. на международной арене группе стран, которую председатель Мао называл *третьим миром* и политику которой Джавахарлал Неру определил как *неприсоединение* (*теоретики заговора* до сих пор спорят, не была ли идея движения подсказана хитроумным Уинстоном Черчиллем, опасавшимся, что стремительно освобождавшиеся от колониализма территории попадут под влияние Москвы).

В основе сотрудничества 117 государств лежало признание ими общих принципов: неучастие в военно-политических блоках, антиколониализм, мирное сосуществование, международное разоружение и уважение целостности и суверенитета держав. Деятельность движения неприсоединения не была декларативной. Один из многочисленных примеров тому – военная помощь Алжиру в его конфликте с пытавшейся сохранить свое колониальное царство Францией. При фактической поддержке 55% населения планеты голос Югославии в начале 1970-х гг. сделался весомым, в том числе и в ООН. Иосиф Броз наслаждался своею относительной независимостью и от Соединенных Штатов, и от СССР, а его страна вплоть до своего трагического конца вполне удобно себя чувствовала в роли стратегической *тампон-зоны*.

В экономической сфере прогресс был также налицо. Тито с благодарностью принял *в подарок* от западных партнеров режим максимального благоприятствования: легко получал кредиты и новые технологии; с их помощью быстро развивалась промышленность, в том числе и военная, что позволило югославской армии в короткий срок превратиться в четвертую по мощи силу Европы; гастарбайтеры из Югославии, в отличие от сегодняшних, стали персонами грата в любой европейской державе; границы были открыты в обе стороны. Среди восточных *коллег по цеху* Югославия не без основания слыла *землей обетованной*.

Для большинства граждан страны (за исключением тысяч пострадавших в идеологических репрессиях – да, были в югославской сказке и печальные страницы) гарантией вечного процветания было имя *бессмертного* вождя. Сам Тито имел обыкновение включать в свои речи необъяснимое предположение «если я когда-нибудь умру»... Это случилось в 1980 г. Какой-то десяток лет после его смерти страна просуществовала на прежнем цивилизационном уровне и в оригинальных границах как бы по инерции. Но ее последующее падение было предreshено. Держава пережила своего создателя на 11 лет.

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ (1991–1999)

Тогда же, во второй половине 1980-х гг., по Восточной Европе и в бывшем СССР покатился *парад суверенитетов*. В общей сумятице смены поколений, руководителей и ориентиров никто, казалось, и не заметил разгоравшегося в СФРЮ конфликта².

После *своевременного* самораспада Варшавского договора и системы социалистического братства в целом СФРЮ оставалась едва ли не единственным значительным и крайне неудобным единением, которое, по мнению НАТО, нуждалось в демонтаже. Механизм был запущен, невзирая на договоренности 1975 г. (Хельсинки) о неизменности послевоенных границ Европы. Операция оказалась не такой уж и сложной для ее исполнителей, но чрезвычайно болезненной для *пациента*.

Процесс развала некогда искусственно созданной федерации и без участия извне набирал силу. Экономически более развитые³, наименее зависимые от *центра* и плотнее населенные национальными общинами регионы первыми потребовали полного самоопределения. Речь, конечно же, о Словении и Хорватии. Помимо привилегированного положения в составе федерации в смысле распределения бюджета, именно эти республики отличались выраженной религиозной изобщенностью. Местные элиты уже давно инкорпорировались в западные политические структуры, а население с начала 1970-х гг. находилось под заметным влиянием Ватикана. И в первую очередь на эти республики опирался Запад в новом *крестовом походе*.

Параллельно набирал обороты другой религиозный конфликт. Приверженцы ислама – албанцы, проживавшие на сербской территории Косово и Метохия (а именно так издавна именуется Сербский край)⁴, методично и безжалостно, сначала путем провокаций, а позднее и терроризма, вытесняли неалбанские православные меньшинства (сербов, черногорцев, цыган), чья численность постепенно упала до невероятных 6%⁵. Согласно нормам международного права этнические чистки, приводящие к сокращению определенного этноса в регионе, называются геноцидом.

С приходом к власти Слободана Милошевича в 1989 г. *последний бастион коммунизма* в Европе, сам того не подозревая, вступил в ускоренную фазу распада. Сразу после речи на торжественном собрании, посвященном юбилею Битвы на Косовом поле, где он впервые употребил слово *война*, новый лидер Югославии получил от Запада клеймо националиста. Американские спецслужбы внимательно следили за процессами, происходившими на Балканах, и уже в 1990 г. ими был подготовлен аналитический документ под названием «Yugoslavia Transformed», выводы которого сводились к следующему: Югославия перестанет функционировать как федеральная держава в течение года, а в течение двух – распадется; Сербия станет блокировать попытки Словении и Хорватии по формированию конфедерации; начнутся восстания албанских масс в Косово, этнические конфликты превратятся в затяжные; США и их западные союзники вряд ли смогут воспрепятствовать распаду государства⁶. Это очень напоминает стратегическую программу.

Уже в ноябре 1990 г. в *The New York Times* выходит статья, предвещавшая развал страны в течение полутора лет с возможностью последующей гражданской войны⁷. Под лозунгом *защиты прав человека* в Косово Конгресс США в 1991 г. принимает так называемую поправку Никлса-Бентли, упраздняющую американскую помощь Югославии. В то же время госсекретарь в администрации Джорджа Буша-старшего Джеймс Бейкер, нанеший визит в Словению и Хорватию в июне 1991 г., занимает там непримиримую позицию противника отделения этих республик и на прямой вопрос президента Словении, признает ли США их независимость, раздраженно отвечает: «Нет, никогда!» Впоследствии это *самовольное* заявление Джеймса Бейкера было жестко раскритиковано как в самих Соединенных Штатах, так и в Европе, поскольку, якобы, дало зеленый сигнал вооруженному конфликту.

Тем временем Европа попыталась оказать свое влияние на ситуацию в Югославии (что было на руку США, ожидавшим доказательств несостоятельности самостоятельной политики Европейского Союза в *собственном доме*). И если последний французский сербофил Франсуа Миттеран, полагаясь на силу политического диалога, как-то пытался со-

хранить единство федерации и *Версальскую Европу*, то поднявшаяся с колен объединенная Германия, опираясь на исторические и религиозные традиции, активно способствовала сецессии и первой признала новообразования – Словению и Хорватию – в конце 1991 г.

Рисунок 1. Карта бывшей Югославии⁸.

Ни для кого не стало неожиданностью, когда после драматических перипетий в Словении и Хорватии разразился еще более запутанный и кровавый конфликт на территории Боснии и Герцеговины. Вступившая в начале 1992 г. на пост председателя Евросоюза Португалия попыталась проявить себя честным посредником в новой непростой ситуации и предотвратить назревавшую войну. При дипломатическом участии Португалии лидеры трех враждующих сторон (хорватов, мусульман и боснийских сербов) подписали договор о разделе республики на три этнических кантона.

Это соглашение вскоре было нарушено в одностороннем порядке и, возможно, не без участия США: в прессу просочились документы, свидетельствующие о том, что лидера мусульман Илию Изетбеговича тайно посетил посол Соединенных Штатов в Белграде Уоррен Циммерман и настоятельно порекомендовал отказаться от своей подписи на договоре в обмен на признание США независимости Боснии и Герцеговины. Изетбегович прислушался, и в марте 1992 г. без согласия сербской стороны было объявлено о создании независимой республики со столицей в Сараево. Одним из ответных шагов сербского населения было провозглашение Республики Сербской (столица – Банья Лука), чей статус и по сегодняшний день является яблоком раздора, после чего хорваты вдогонку организовали мифическую и давно всеми забытую Герцег-Боснию с главным

городом Мостар. Вышеперечисленные события послужили непосредственным поводом начала войны.

Как и любая война, а в особенности гражданская, кампания 1992–1995 гг. отличалась жестокостью. Только если учесть непримиримость религиозных различий трех участников ссоры, можно представить ее размах и агонию, когда в этнических чистках уже не отделяли военных от гражданских, не разбирали ни возраста, ни пола. К несчастью, временно ограничившись дипломатическими, торговыми, транспортными санкциями против Сербии (резолюция 757 Совета Безопасности ООН, май 1992 г.), с одной стороны, и неприкрытой военно-экономической поддержкой боснийских мусульман и хорватов – с другой, американская администрация и ее европейские союзники бросили силы на предвзятую пропагандистскую войну против одной из сторон – участниц конфликта – сербов. Маркировав последних как агрессоров и зачинщиков (как-то сразу вспоминаются события в Южной Осетии в августе 2008 г.), западные СМИ не пожалели красок для развенчания *последнего оплота коммунизма* в Европе. *Праведный гнев* общественности вызывали и ежедневные *live*-репортажи популярных тележурналистов (Кристиан Аманпур, Рой Ротман, Джон Стру), и как нельзя вовремя вышедшие в свет псевдоисторические книги, возвращавшие на сцену балканофилию начала XX в. и описывающие безнадежную кровожадность балканских народов в целом и сербов в первую очередь⁹. Направленная идеологическая составляющая агитации сделала свое дело: общественность была не просто подготовлена к выражению *своего* мнения о необходимости любой ценой остановить *нарушение прав человека антидемократическим режимом*, но и уверена в неотвратимости живейшего участия США в обуздании *варварской* части Европы. *Instant*-история обусловила и оправдала *instant*-политику. Так были расчищены последние моральные препятствия на пути прямой вооруженной интервенции стран НАТО.

В анналах истории навсегда останется тот печальный и уродливый факт, что первая военная операция НАТО со дня основания организации в 1949 г. проведена именно на территории Боснии в феврале 1994 г. Не вдаваясь в детали акции, вспомним лишь, чем она завершилась. После подписания мира между хорватами и боснийскими мусульманами в феврале 1994 г. была основана Федерация Боснии и Герцеговины, в состав которой вошла и упомянутая Герцег-Босния, а в марте было подписано перемирие между Хорватией и подконтрольной сербам территорией Сербской Краины. Аппетиты новой Хорватии, таким образом, не были вполне удовлетворены, и уже в мае 1995 г. ее войска (под бдительным присмотром *голубых шлемов* операции ООН по восстановлению доверия) вторглись на территорию Западной Славонии. Операция получила свое немедленное продолжение уже в августе 1995 г. под знакомым названием *Буря (Oluja)*. За этот короткий промежуток времени со своих земель были изгнаны десятки тысяч сербов¹⁰.

Наконец, когда амбиции всех сепаратистов были тем или иным способом подкормлены, настал момент узаконить *успехи*. Дейтонское соглашение в декабре 1995 г. зафиксировало кантонизацию Боснии и Герцеговины и ее территориальное деление на Федерацию хорватов и мусульман (51 и 49% соответственно) и Республику Сербскую. Конфликт, казалось, был исчерпан. В результате кровопролитной гражданской войны и с благословения западных союзников центробежным силам СФРЮ удалось расколоть страну на несколько самостоятельных государств, многие из которых по сей день живут от подачек своих заказчиков и выполняют их волю (чего только стоит недавнее незамедлительное и безусловное признание ими Косово как независимой державы).

Однако эта победа не принесла Западу ожидаемого удовлетворения. Оставшаяся в одиночестве обессиленная Сербия (тогда еще в нестойком союзе с Черногорией, отделившейся по результатам референдума в 2006 г.), едва выкарабкавшаяся из-под гнета экономических санкций, по-прежнему не давала покоя воспаленным натовским умам. Теперь им предстояло бороться с *великосербским шовинизмом*. А Белград ожидал очередной вызов – Косово.

Следующий этап балканского *эксперимента* ознаменовало активное участие США и НАТО в финансировании и вооружении параллельной структуры власти, провозглашенной в Косово в 1998 г. в результате нелегальных президентских выборов на безаль-

тернативной основе, и независимой от нее так называемой Освободительной армии Косово (ОАК). Как стало известно, в частности, из книги бывшего прокурора в Гааге Карлы Дель Понте «Madame Prosecutor: Confrontations with Humanity's Worst Criminals and the Culture of Impunity», ОАК – не более чем сборище албанских бандитов, занимавшихся в свободное от *национальной борьбы* время похищениями сербов и других неалбанцев с целью торговли – как живыми людьми, так и человеческими органами, а также перекачкой оружия и наркотиков в Европу.

В главе XI автор этой книги делает неожиданное признание в том, что в офис прокурора поступили сведения, как летом 1999 г. косовские албанцы перевезли через границу в Северную Албанию от 100 до 300 похищенных сербов, наиболее здоровые из которых были помещены в печально известный *желтый дом*¹¹. Там с ними обращались более чем по-человечески, хорошо кормили, был обеспечен и медицинский осмотр..., завершившийся в отдельной комнате, переоборудованной под операционную. Отстраненные витальные внутренние органы *пациентов* с аэродрома близ Тираны контрабандой переправлялись богатым западным пациентам. Характерно, что именно в период косовской *голгофы* цены на рынке человеческих органов, в частности, в Италии стремительно падали как результат возросшего предложения. Дальнейшая судьба исчезнувших сербов неизвестна, их могилы не найдены. Известно, что вещественные доказательства, перевезенные с места преступления в Гаагу, были уничтожены «из соображений гигиены». Дель Понте подтверждает, что активное участие в этих экзекуциях и дележе доходов от продаж принимали представители среднего и высшего эшелона ОАК¹².

Образование этой организации датируется 1993 г., а ее активный выход на арену произошёл вскоре после подписания Дейтонского соглашения, когда началась серия одно-временных террористических атак на сербскую полицию. Нападения с большей или меньшей интенсивностью продолжались до февраля 1998 г., когда посол США в Белграде охарактеризовал действия ОАК как терроризм, что для стражей порядка послужило сигналом для разгрома одной из крупнейших группировок нападавших. В результате действий полиции был уничтожен почти весь клан и их семьи. Международная контактная группа в Лондоне осудила действия сербской полиции и пригрозила Белграду новыми санкциями.

Вооруженные столкновения (а вместе с ними и боевые акции) в Косово не затихали. В январе 1999 г. на весь мир прогремели события в косовском селе Рачек: миссия наблюдателей ОБСЕ обвинила сербскую полицию в массовом убийстве местных жителей-албанцев. Следственную группу Сербии в течение нескольких дней не допускали на место происшествия, а когда, наконец, независимые эксперты, в том числе и из западноевропейских стран, оказались в Рачке, не было обнаружено ни *обещанных* трупов женщин и детей, ни даже гильз или следов крови. Впоследствии комиссией иностранных специалистов было доказано, что 37 из 40 убитых лиц мужского пола держали в руках оружие: частицы пороха на руках скрыть невозможно¹³. Ложное и преднамеренное обвинение в геноциде имело свое ожидаемое продолжение и послужило предлогом для предъявления Сербии неслыханного ранее в международной дипломатии ультиматума – освободить часть собственной территории от своих же войск и передать ее под контроль иностранных вооруженных формирований (конференция в Рамбуйе, январь 1999 г.). Запрограммированный неуспех переговоров (нелегитимный участник которых Хашим Тачи даже вызывался для консультаций в Вашингтон) обеспечил достижение очевидной цели Запада – вовлечения Сербии в очередную войну. Расчет оказался верным: ультиматум был отклонен, что для НАТО явилось *casus belli* – долгожданной отмашкой к началу карательной акции в обход и без санкции Совета Безопасности. Как вспоминает командующий войсками НАТО Уэсли Кларк, Мадлен Олбрайт (тогда уже госсекретарь США, а некогда – еврейская девочка, бежавшая из Праги от фашистов и по иронии судьбы нашедшая убежище именно в Сербии) напутствовала его словами: «Я сделала все, что нужно: теперь все в твоих руках»¹⁴.

78 дней и ночей Хавьер Солана и Уэсли Кларк без устали *воспитывали* непослушных сербов. Бесконечно долго для Сербии. Раздражающе долго для НАТО, без сомнения рассчитывавшего на *блицкриг* к юбилею – 4 апреля 1999 г. Североатлантический блок

отмечал 50-летие. Бомбардировки обычно проходили глубокой ночью, до восхода солнца. А днем в городах и селах мучительно завывали сирены, предупреждавшие о возможной воздушной опасности. Улицы с каждым днем пустели все больше – не столько от страха жителей, сколько от перебоев с горючим. Паники не было, скорее ступор и нежелание верить в то, что военные действия в Европе – не просто угроза, но реальность. Новая реальность.

Показательные бомбежки, помимо демонстрации собственной силы и безнаказанности Запада, имели и иное назначение: не просто убивать и разрушать военные объекты *противника*, но уничтожить чуждые культурные и цивилизационные блага, оскорбив и унизив непокорный дух неудобного и неугодного им народа. От снарядов с начинкой из обедненного урана, щедро рассыпанных над Южной Сербией и Косово, до точечных ударов по мостам, больницам, школам; от разгромленного здания государственного телевидения в центре Белграда до случайного (?) попадания в посольство КНР; от атак на *подозрительные* производственные инфраструктуры (как, например, пылесосный завод) до прицельного огня по маленьким населенным пунктам, где не было и не могло быть никаких военных объектов и единственной виной которых было то обстоятельство, что в них когда-то родились неугодные альянсу представители сербской власти (пример города Алексинац – родины генерала Павковича, командующего сербскими войсками в Косово).

За три месяца под бомбами погибло более тысячи человек, в том числе 495 мирных жителей. Военное вторжение показало себя отнюдь не последствием, а причиной гуманитарной катастрофы в Косово: от бомбардировок преимущественно бежали именно шиптари (как они себя называют), сотнями тысяч перетекая в соседние Албанию и Македонию. Счастье, что Соединенным Штатам хватило благоразумия (или не хватило поддержки европейских союзников) не перейти к спланированной наземной операции.

2 июня 1999 г. при посредничестве специального представителя президента России по урегулированию в Югославии В.С. Черномырдина и финского представителя Мартти Ахтисаари президентом Слободаном Милошевичем было подписано соглашение, открывшее натовским войскам допуск на часть сербской территории. Принятием резолюции Совета Безопасности ООН за номером 1244 был положен конец бомбардировкам *Милостивого ангела*¹⁵, и началось десятилетие пощечин и морально-психологического террора.

ВОЛКИ И ОВЦЫ (1999–2009)

По окончании агрессии силы Североатлантического альянса, пришедшие в Косово, начали, как и следовало ожидать, отнюдь не с сверенной им миротворческой функции, а с укрепления логистики для дальнейшего расширения в регионе. Одним из первых их шагов стало активное развертывание стратегической военной базы, названной *Бондстил*, на территории суверенной Сербии. Обосновывались они там давно и основательно: был выстроен целый город с урбанистической планировкой, супермаркетами, кинотеатрами, объектами для занятий спортом, ресторанами – привычный комфорт для американских граждан¹⁶.

Следующим этапом деятельности стал организованный погром в марте 2004 г.: в течение двух дней албанцы развязанными руками жгли монастыри и церкви, дома и людей. Последовавшая за этим еле слышная критика западного мира и призывы к прекращению насилия над сербским меньшинством отступили перед новым давлением на Белград: призвать косовских сербов выйти на выборы, чтобы своим участием обеспечить легитимность парламента Косово. На выборы вышло менее 1%, и тем самым Косово вновь оказалось на распутье. В Белград стали поступать предложения о созыве международной конференции по вопросу о статусе края: всеми силами Запад старался избежать выноса проблемы в Совет Безопасности, где небезосновательно ожидалось вето, по крайней мере, от России. В сущности, стратегия Запада сводилась к предложению Сербии самой выбрать способ провозгласить Косово независимым и дать ей время *привыкнуть* к новой *реалии*.

С конца 2005 г. международным посредником стал Мартти Ахтисаари, и процесс стал набирать обороты стремительно. В 2006 г. законодательное собрание Косово приняло ряд самостоятельных законов, среди которых особенно любопытным кажется напоминающий случай с унтерофицерской вдовой «Закон о статусе и правах членов семей павших борцов, инвалидов и ветеранов ОАК», само название и содержание которого являются подтверждением факта ведения войны против *оккупатора* и даже очерчивают ее временные границы: с 30 декабря 1991 до 19 сентября 1999 г.

В мае 2007 г. премьер Сербии Воислав Коштуница лично обратился к президенту В.В. Путину с просьбой поддержать Сербию в Совете Безопасности и получил безоговорочное согласие. В тот же день на центральной площади Тираны президент Джордж Буш выступил с заявлением о том, что Косово станет независимым. Оба лидера сверхдержав выполнили данные обещания: в ООН так никогда и не был одобрен так называемый *план Ахтисаари*, по которому была бы узаконена деятельность EULEX¹⁷, а верховной властью в крае Косово являлось бы НАТО (что впоследствии войдет отдельной статьей в конституцию Косово, а вскоре личный труд финна будет по достоинству оценен комиссией по Нобелевской премии за мир), а 17 февраля 2008 г. по зеленому сигналу с Запада Косово провозгласило себя новым европейским государством. Так уже не в первый раз в истории стоящие на позиции мирового права проиграли политике силы. Война против Сербии, начавшаяся бомбежками 24 марта 1999 г., продолженная подрывной деятельностью косовских албанцев и их могущественных союзников, достигла своего зенита.

НА ПУТИ К ВЕЛИКОЙ АЛБАНИИ?

На сегодняшний день это самое Косово делает попытки функционировать как самостоятельное государство, густо замешанное на религиозном фанатизме и банальном криминале, украшенное американскими флагами и шестиметровой статуей Клинтона – *освободителя*. Можно привести слова из интервью с бывшим послом Италии в России, историком и литератором Серджио Романо: «В руках непрофессионалов и коррумпированных людей Косово – это больная страна с организованной криминальной мафией и экономикой, базирующейся на контрабанде и перепродажах. <...> Речь идет о фальсификате независимой державы, <...> о европейском протекторате <...> и весьма опасно дать им независимость, поскольку они начнут движение к Великой Албании»¹⁸.

250 тыс. сербских и других беженцев неалбанского происхождения, вынужденные покинуть свои земли, западным сообществом игнорируются. Как и непрекращающиеся, подчас насильственные, враждебные акции новых хозяев – албанцев – против сербского населения и сербских культурных и религиозных святынь. Районы, преимущественно населенные сербами, неделями остаются без электричества; рабочие места в первую очередь теряют именно сербы; разрушено более 150 церквей и монастырей, множество жилых объектов, датирующихся XVIII–XIX вв., объекты мирового культурно-исторического наследия православия, номинально находящиеся под защитой ЮНЕСКО, оскверняются; даже *случайные* пожары происходят исключительно в тех общественных местах, которые посещают преимущественно неалбанцы. Ускоренными темпами из христианского края Косово превращается в исламскую *джамахирию* в сердце Европы: обилие построенных за последние годы мечетей должно сигнализировать миру – сербам здесь делать нечего!

Сербия старается по мере сил и возможностей помогать соотечественникам и дипломатическим путем, и энергетическими ресурсами, и гуманитарными поставками. Несколько раз в год для школьников организуются бесплатные экскурсии в столицу, где они проводят несколько дней в домах белградцев, посещают музеи, театры и просто отдыхают от своих суровых будней. Надо сказать, что местные школьники и их родители мгновенно *разбирают* выходящих из почти сотни автобусов детей по семьям. Мои дочери принимали участие в этих акциях, и потому могу утверждать, что и косовским детям, и нам это было очень важно. Гости оставили о себе впечатление крайне скромных, неприхотливых, немногословных, религиозных и непривычно любознательных. Дети как

дети: наша жизнь в понуром Белграде с ее каждодневными проблемами и неурядицами кажется им сказкой – их восхищение на равные доли делится между величественным Храмом Святого Савы и ресторанами фаст-фуда, крепостными стенами Калемегдана и шопинг-центрами. Расставание всегда сопровождалось слезами: от радушных хозяев им предстояло вернуться в резервации, где школьный автобус в сопровождении постоянного полицейского конвоя опять повезет их в огороженную в целях безопасности колючей проволокой школу, где часто нет тепла и света, в будущее без будущего.

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В ДЕЙСТВИИ

Идея создания международного трибунала по бывшей Югославии зародилась в западных кругах в 1991–1992 гг. Большое участие в его создании принимала, в частности, Мадлен Олбрайт, а финансирование обеспечили страны НАТО. Тема трибунала, судящего Балканы, и подобных ему трибуналов для других регионов (например, Руанда) – вопрос колоссальный, требующий отдельного и профессионального анализа, поскольку давно стала прозрачной их миссия – отнюдь не правовая, но политическая. Но есть в его деятельности тенденция, совершенно очевидная даже для неискушенного обывателя, – двойные стандарты.

Доказательств тому накопилось немало. Так, косовский случай – исключительный в новейшей истории пример, когда нападающая сторона обвиняет атакованную в совершении преступлений после нападения, которому та была подвергнута, а командиров и пилотов агрессора защищает от уголовного преследования. Принято считать, что защита территориальной целостности – не только право, но и обязанность всякого государства. Или не всякого? Однако никто не оспаривает право Нигерии подчинить своему контролю восставшую Биафру, Шри-Ланки – восстановить власть на тамильском севере. А разве не напоминает инсценировка резни в селе Рачек гитлеровскую выдумку о нападении польских военных на немецкий караул, что послужило предлогом для агрессии в 1939 г.?

Ярким примером применения двойных стандартов по боснийскому конфликту может послужить и случайная бомба, упавшая на Загреб и оцененная судом как террористический акт Сербии против хорватского гражданского населения. При этом кассетные бомбы НАТО, с хирургической точностью сброшенные на аэродром, а поразившие вместо него два жилых квартала в центре г. Ниш, убившие 14 и ранившие 30 человек, расценены как ошибка. С кем не бывает?! Западным силам прощается и когда, приняв тракторы за военную технику, они наносят удар по колонне беженцев, убив 73 и тяжело ранив десятки; и когда они случайно, но почему-то возвращаясь четыре раза, разбомбили пассажирский поезд на мосту через Мораву; и разгромленный роддом в Белграде... *Side effects* не относятся к сфере интересов суда.

В процессе разбирательства Гаагский трибунал бесконечно настаивает на выдаче то одного, то другого сербского военного преступника *Минотавру*. По новым правилам игры, в многоэтническом конфликте одна из сторон может быть единственной виновной!? *Справедливого суда* не дождалась ни Франьо Туджман (президент Хорватии), ни Алия Изетбегович (президент Боснии). На свободу были отпущены Рамуш Харадинай (один из руководителей ОАК), Насер Орич (один из командующих армии Изетбеговича). Лишь на три года тюрьмы, несмотря на предложенные обвинением 15, осужден главнокомандующий армии Боснии и Герцеговины Расим Делич. Многим офицерам – непосредственным участникам боевых действий из Хорватии и Боснии разрешено предстать перед судами (скорее всего, фиктивными) по месту жительства, и все они по возвращении домой встречены как герои.

Бросим теперь беглый взгляд на приговоры участникам войны со стороны Сербии: Биляна Плавшич, вице-президент Республики Сербской – 11 лет (в конце октября 2009 г. она, отсидев 9 лет, вышла на свободу досрочно, с формулировкой «реабилитировалась как личность»); генерал армии Республики Сербской Радислав Крстич – 35 лет, Момчило Краишник (Республика Сербская) – 27 лет. Для вынесения обвинений одной из групп хорватских офицеров потребовалось восемь лет, а для Слободана Милошевича и четы-

рех его соратников было достаточно 37 дней. Если в среднем процесс подготовки защиты в Гаагском суде составлял два года, то для самого известного на сегодняшний день обвиняемого Радована Караджича (президент Республики Сербской) он сокращен до десяти месяцев только потому, что срок полномочий суда истекает.

Умело пользуясь политической нестабильностью сегодняшней сербской власти, Запад изощряется в новых способах унижения нации. На скамью подсудимых со стабильной интенсивностью попадают очередные генералы и гражданские лица. Некоторых там ждут пожизненные или длительные сроки, другие при сомнительных обстоятельствах покидают этот мир. Нельзя не упомянуть в этом контексте судьбу все того же Слобода-на Милошевича.

Вовремя поняв, что с момента падения Берлинской стены начался процесс перекомпоновки государств и геостратегических перегруппировок, он (возможно, не самими мудрыми методами) попытался предотвратить раскол, с которым на его глазах столкнулся куда более мощный Советский Союз. Еще предстоит разобраться, явились ли его собственные просчеты главной причиной неудачи или слишком неравны оказались силы противников единства – хорватов, мусульман, словенцев, которых поддерживали США, НАТО, Ватикан, Германия. Под давлением западных *правдолюбцев* Милошевич был выдан трибуналу в 2001 г. Зловеща символика даты его ареста – 28 июня, Видовдан, национальный праздник, самый важный день в сербской истории – день Битвы на Косовом поле. Именно в этот день в далеком 1989 г. он обратился к косовским сербам со словами: «Никто не смеет вас бить!» Юридически образованный и во всех смыслах искушенный человек, в Гааге Милошевич достойно держал оборону, демонстрируя бесмысленность сконструированных обвинений и систематично разрушая стратегию обвинения. К сожалению, нам не дано узнать, чем бы закончился процесс над сербским президентом: 11 марта 2006 г. он внезапно умер в застенках от сердечного приступа. Прямых доказательств чьей-либо причастности к его мистической смерти пока не найдено, кроме, пожалуй, того обстоятельства, что ему не было обеспечено адекватное лечение.

Своими решениями трибунал сваливает на всех сербов коллективную ответственность за происходившие войны, а своими приговорами военно-государственной верхушке Сербии (по совокупности сербские обвиняемые на сегодняшний день получили 700 лет заключения) дает Североатлантическому альянсу убедительное оправдание совершенной им агрессии и тяжких преступлений против мира. Самим же сербам великолепно дозволено пересчитывать собственные жертвы, но не искать преступников. Инсинуации о статусе трибунала как продолжателя Нюрнберга не просто ложны и беспочвенны, но и, можно смело утверждать, исторически оскорбительны.

Проблема взаимодействия Сербии с трибуналом сопряжена и с другой, отнюдь не бесспорной в своей целесообразности, задачей вхождения страны в *европейскую семью*. Сегодня Европа пытается обучить сербов, как рабским поведением и раскаянием надо доказать свое право на свободу и принадлежность к *цивилизации*. Казалось бы, что общего может быть между выдачей генерала Ратка Младича и отменой шенгенских виз для граждан Сербии или признанием независимости Косово и развитием демократии? Запад жаждет от Сербии покаяния. Сегодня наблюдаются многочисленные *за и*, справедливости ради, неединичные *против* возможности того, что Запад своего добьется.

ПУТЬ В ЕВРОПУ, ИЛИ ДРУГАЯ СЕРБИЯ

Евроэнтузиазм после смещения с власти Милошевича в октябре 2000 г. стал новой идеологической *мантрой*. Статистика говорит о том, что до 90% сербов в принципе не возражают против вхождения в ЕС (при этом более 70% категорически против вступления страны в НАТО). Амбивалентность правительства, со своей стороны, не позволяет выработать общую, поддерживаемую большинством программу действий, будь то выход из кризиса или вступление в международные политические и экономические союзы.

В сегодняшней Сербии нет желанного единства по многим большим вопросам. Несравнимо меньшая, но чрезвычайно агрессивная часть общества, получившая устойчивый эпитет *другая Сербия*, ратует за скорейшее выполнение Сербией самых невероятных требований Европы, когда-нибудь открывшей свои двери *кандидату в кандидаты*. В их заявлениях озвучена новая система ценностей, по которой сербы – жертвы собственной экстремистской политики, а гуманитарная интервенция НАТО – мессия, открывший путь перехода к европейскому раю. Пример тому – с недавнего времени подогреваемая идея процесса над журналистами, освещавшими войны предыдущего десятилетия, и попытки свалить на них ответственность за *разжигание пламени войны* своими *подстрекательскими репортажами*.

Сотрудничество с Гаагским судом для Сербии – необходимое, но не единственное условие вступления в ЕС. Им бы также хотелось, чтобы Сербия не препятствовала развитию торговых связей Косово с другими державами (помощь контрабанде плюс практическое признание независимости). Стремление Сербии к сближению с Европой наталкивается и на все более невероятные требования последней: недавний пример – настоятельная рекомендация пересмотреть статьи законодательства, относящиеся к правам сексуальных меньшинств, максимально приблизив их к европейским *стандартам* (?). И хотя против подобных парадоксальных тезисов недвусмысленно и в один голос выступают все религиозные конфессии, *другая Сербия*, умело лавируя между католиками, иудеями и мусульманами, нападает исключительно на Сербскую Православную Церковь. Софистическое сотрудничество с оккупаторами представляется внутренним врагам *европейским путем* Сербии (свежий пример – цинично кем-то оплаченное размещение в одной из центральных столичных газет объявления *Косовского агентства по приватизации*).

Несмотря на искренние попытки сближения с бывшими республиками и нынешними соседями, зарождающиеся совместные проекты в сфере экономики, декларативные заявления официальных лиц всех сторон о необходимости регионального сотрудничества, реальность пока не дает повода для оптимизма. Проблема возвращения 35 тыс. расселенных из Хорватии сербов не решена до сих пор, как не разрешены двусторонние имущественные претензии (сейчас на территории Хорватии проживает лишь 4,5% сербов, в то время как после Второй мировой их было 24%)¹⁹. Если в Сербии, как грибы, растут словенские и хорватские супермаркеты, производители из соседних держав перекупают и под новыми именами продолжают индустриальную деятельность сербских компаний, то товаров из Сербии не найдешь ни в Любляне, ни в Загребе, хотя местные жители скучают по качеству некоторых сербских, к примеру сельскохозяйственных, продуктов. По официальным данным, дефицит товарооборота составляет 109,9 млн долл., и не в пользу Сербии²⁰.

В Белграде каждый день можно видеть автомобили с хорватскими, боснийскими (и даже албанскими) номерами, в то время как по телевизору нередки репортажи о вандализме и нападениях на автомобили сербских туристов в курортных зонах Хорватии. Туристические агентства всю рекламу действительно уникальное хорватское побережье, а хорваты очень рассчитывают на сербских туристов в летнее время, но когда речь заходит о гостеприимстве – многие скорее предпочтут Турцию: хозяев раздражает даже *сербский акцент хорватского языка*.

Активно внедряя *новояз*, разнящийся с сербским куда меньше, чем, например, русский и белорусский или украинский, и являющийся в сущности лишь диалектом общего сербского, хорваты требуют перевода любых документов, составленных на сербском, да и в приватном разговоре норовят исправить говорящего по-сербски собеседника (если задуматься над тем, сколько диалектов имеет, скажем, немецкий язык, можно прийти к выводу, что немецкий и не существует как таковой). Вековое взаимное неприятие между недавними соотечественниками демонстрируют и стычки болельщиков по всему свету, и разборки во время студенческих экскурсий на территориях третьих государств. *Дружбе народов* не способствуют и признание суверенитета Косово всеми бывшими республиками. Трудно не верить опросам общественного мнения, утверж-

дающим, что 45% сербов сегодня не видят возможности исторического примирения с соседями по региону.

Речь не идет только лишь о противостоянии сербов и хорватов или словенцев на личном или государственном уровне. Между Словенией и Хорватией все еще не решены споры о границах, а вхождение Словении в ЕС – кость в горле для самолюбия хорватов. Объединяет же их пренебрежительное отношение к соседям с Востока: к боснийцам – как к народу отсталому и примитивному, к сербам – как к народу варварскому и инферриорному по сравнению с *расой наследников цивилизованной габсбургской империи*. Такой вот мещанский шовинизм.

Возвращаясь к политическо-экономической ситуации внутри Сербии, обратимся к тем, кто позволяет себе сомневаться в европейском будущем страны, для кого лозунг «Европе нет альтернативы» звучит слишком сурово и безысходно. Они автоматически попадают в немногочисленный клан ретроградов и националистов, а *евроскептицизм* рассматривается как предательство интересов демократии.

Сомневающимся в необходимости стремительной европейской интеграции Сербии настораживает многое. Уже сегодня государство ежегодно теряет 500 млн евро по «Соглашению о стабилизации», в том числе 267 млн только в 2009 г. на одностороннее снижение таможенных пошлин (при том, что стране не хватает даже так называемых *народных кухонь* для самых бедных)²¹. Не ослепленные ложным блеском Европы аналитики полагают, что вступление в ЕС приведет к серьезным проблемам в отдельных хозяйственных ветвях страны – в первую очередь в сельском хозяйстве, машинной индустрии, химической промышленности.

Реалистов отпугивает и европейская тенденция к унификации и централизации. Лиссабонский договор, подпись под которым до последнего ожидалась только от президента Чехии Вацлава Клауса, фактически упраздняет суверенитеты государств – членов ЕС: от введения европейской полиции с полномочиями на территории всех стран до голосования большинством голосов вместо единогласного принятия всех общих решений и уменьшения весомости голоса маленьких государств, к числу которых принадлежит и Сербия. Невозможно закрыть глаза и на то, как *счастливицы*, попавшие в Евросоюз, разбегаются по нему из своих государств, как тараканы: из Польши эмигрировало около 2,3 млн человек, из Румынии – примерно столько же²².

Нельзя не задуматься и о моральном аспекте, более всего заботящем обычных граждан: *во-первых*, долгосрочный сербский статус *non grata* отнюдь не способствует энтузиазму, *во-вторых*, вхождением в ЕС, а тем более в НАТО, Сербия присоединилась бы к тем, кто бомбил ее в 1999 г. и признал Косово в 2008 г.

Обращаясь вновь к приведенной статистике²³, необходимо сознавать, что 90% жителей, голосующих за *Европу*, делают это не от хорошей жизни. Можно сказать, что Сербия не слишком ощутила мировой экономической кризис, поскольку и *предшествовавшего ему благосостояния* она тоже не знала. Из среднеразвитой страны в результате внутреннего политического и экономического кризиса, войн, разорения, санкций и изоляции Сербия превратилась в страну, где 700 тыс. человек (более 10% населения) живут за официальной чертой бедности. Уже в начале 2009 г. наблюдался рост дефицита бюджета на 21%²⁴. Ситуацию осложняют знакомые не только Сербии коррупция во всех эшелонах власти, замирание производства, проблемы в здравоохранении, пополнение бюджета кредитами, упадок культуры. Неудивительно, что многие с теплотой вспоминают времена Тито и ожидают от интеграции с Европой не только облегчения визового режима, которым по объективным причинам мало кто может и воспользоваться, но и своего личного приближения к мифическому европейскому стандарту, как будто он одинаков во всей Европе. При этом мало кому бросается в глаза то обстоятельство, что, заманивая Сербию в Евросоюз, никто там и не вспоминает, к примеру, ни о каких контрибуциях, возмещении убытка, причиненного Сербии натовскими бомбардировками.

КТО ЕСТЬ КТО: ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

О причинах столь жесткой константы западного сообщества по отношению к Сербии, именно к Сербии, как и о необходимости противостояния ей, можно и нужно размышлять. Как говорил Цицерон, «*nihil potest evenire, nisi causa antecedente*»²⁵. Всем понятно, что речь не идет о насаждаемой *сверху* всеобщей справедливости или бескорыстном внедрении социально-этнического равенства на чужой территории. Тогда о чем? Насколько необходимо уменьшить территорию суверенной державы, чтобы ее ненавистники, наконец, были *довольны*? Есть ли возможность установления непреодолимого барьера для тех, кто всеми силами методично ведет государство и народ к деградации?

Попробуем привести некоторые из возможных причин, допущенных ошибок, претворивших балканскую трагедию в неизбежность. Среди них будут, в первую очередь, и внутривнутриполитические, экономические, этнические, религиозные проблемы, речь о которых шла выше. И роль *слона в посудной лавке*, исполненная верхушкой югославских лидеров, хотевших (тут не обойтись без меткого высказывания непревзойденного В.С. Черномырдина) *как лучше и получивших как всегда*. И отсутствие солидарности и подверженность влиянию западных соседей, столь характерные для славянских народов и почти полтора века назад подмеченные человеком, размышлявшим о судьбах восточного христианства и предвидевшим ход истории с поражающей точностью: рассуждая о бесконечности притязаний Запада и его презрительно-покровительственной позиции к балканским народам, Ф.М. Достоевский вопрошал: «Будут ли, наконец, все эти земли и земли вполое независимы или будут находиться под покровительством европейского концерта держав?»²⁶

Оставим в стороне допущение «кому плохо, тот и виноват» и попробуем расширить круг *подозреваемых*. Тут мы не обойдемся, среди прочего, без часто вспоминаемой международными аналитиками неизбежности антисербской политики, не отказавшейся использовать терроризм в геополитических целях (при сговоре НАТО с ОАК), как компенсации за свою антимусульманскую политику, скажем, в Палестине или Ираке. Европа и Америка слишком противопоставили себя исламскому миру, одновременно завися от него, и не только энергетически. Значительную часть населения во многих западных странах составляют выходцы с мусульманского Востока. Усиленная эмиграция произошла буквально на глазах, а соответствующий религиозной традиции естественный прирост создает ситуацию, при которой диаспоры уже почти не имеют ничего общего ни с культурой, ни с религией, ни с менталитетом земли проживания. Налицо все признаки для создания государств внутри государств? Борьбаться с этим на своей территории небезопасно и малоэффективно. Один из выходов – жест *дружбы и доброй воли* – создание для мусульман автономий и новых государств на чужой территории. За последнее столетие их уже три, и все – на Балканах: Албания, Босния и Герцеговина и, наконец, Косово. Параллельная искусная манипуляция общественным сознанием закрепила стойкость новых словосочетаний: *самоопределение Косово* звучит куда реалистичнее, чем, скажем, *суверенный Техас*.

Не станем сбрасывать со счетов и необходимость тестировать и реализовывать оружие, и тренировать армии, и кормить чиновников, корпящих над глобализационными планами. Не забудем и действующий на всех цивилизационных уровнях закон силы, когда просто глупо упустить возможность поквитаться (а хочется еще с 1945 г.) с более слабым, особенно если есть повод и можно рассчитывать на безнаказанность (невмешательство СССР в новый передел в начале 1990-х гг. было обеспечено и развязало руки Западу, уже не опасавшемуся холодной войны). Вот одно из *откровений* заместителя госсекретаря в администрации Билла Клинтона Струоба Тэлботта: «Сопротивление Югославии расширяющимся тенденциям политических и экономических реформ, а не затруднительное положение косовских албанцев, – вот лучшее объяснение войны НАТО»²⁷.

История, похоже, учит тому, что ничему не учит. Европейские страны по-прежнему идут на поводу США в большинстве вопросов международной политики. Мы говорим Запад – подразумеваем НАТО, мы говорим НАТО – подразумеваем США. Отбросим иллюзии: кто платит, тот и заказывает музыку. 90% воздушных ударов по Сербии в 1999 г.

произвела авиация США, они же финансировали 90% расходов на эту войну. НАТО финансирует и суд в Гааге – еще один элемент *puzzle*, сложив который, мы получим картинку под названием «США – разводящий игрок на Европейском континенте». Кажется нелишним процитировать одного из творцов современной американской политики Генри Киссинджера: «Хотя Североатлантический союз обычно вильсоновски определялся как инструмент коллективной безопасности, а не как альянс, на самом деле он представлял институт, который почти полностью сумел привести в соответствие американские моральные и геополитические цели. Несмотря на это определение, Североатлантический союз, созданный ради предупреждения советского доминирования в Европе, служил геополитической цели предупреждения возможности того, что центры мощи в Европе и Азии попадут под власть одной неприятельской земли»²⁸.

Военный советник Уинстона Черчилля и первый генеральный секретарь НАТО в свое время сформулировал задачу НАТО в одном запоминающемся предложении: «To keep Americans in, Russians out and Germans down» [«Чтобы держать американцев внутри, русских вне и немцев внизу»]²⁹. Сам же Черчилль еще в известной речи в Фултоне в 1946 г., безошибочно очертив границы *железного занавеса* и четко указав на тех в Центральной и Восточной Европе, кто на тот момент находился в сфере советского влияния, дал завуалированное *домашнее задание* будущим поколениям. Наследники, разрушившие Берлинскую стену в 1989 г., выбили почву из-под ног *империи зла*, и оставалось лишь отшлифовать выполненную работу. Инстинкт стада, обеспечивший разворот бывших стран соцлагеря к Западу, в какой-то мере захватил и Югославию. Потеряв роль *тампон-зоны*, по замыслу западных стратегов, и она должна была раствориться в эйфории конца холодной войны, которой не пережила ни одна восточноевропейская федерация. Завершение холодной войны вроде бы дало США право на дивиденды – возможность непосредственно участвовать в наведении *нового порядка* на старом континенте, устанавливать и нарушать законы (истинный смысл *сохранения мира и поддержания демократических перемен*). Хочется верить, что попрактиковаться в этом амплуа Америке больше не придется, а драма под названием «Демонтаж на Балканах» станет последним спектаклем ее карьеры на европейской сцене.

Первая военная интервенция НАТО без одобрения Совета Безопасности в первый раз после окончания холодной войны поставила США и Россию по разные стороны конфликта. Собственно, она стала увертюрой к разрушению американской глобальной политики и самоуничтожению альянса, которого всем нам еще придется подождать. Ключевым представляется вывод исследователей, которые полагают, что в Сербии США нашли замену Советскому Союзу, дабы оправдать сохранение НАТО, когда исчезновение Варшавского договора и Советского Союза сделали эту организацию излишней³⁰.

США играли с Сербией, чтобы послать предупреждение Москве. Теперь, когда Россия вернулась на международную арену и установила новый стандарт реагирования, пришло время платить за ее многолетнее игнорирование, признать реальность *постамериканского мира* и приспособиться к нему.

НАТО сегодня уже нельзя рассматривать как Североатлантическую организацию коллективной безопасности. Концепция *коллективной обороны* уступила место *обтекаемой – управления кризисом*. Список военно-стратегических и политических задач альянса постоянно расширяется: он становится функциональной силой глобального вмешательства, которая обслуживает, в первую очередь, интересы США и стоит на страже западного капитала и его интересов. Вспомним слова Генри Киссинджера: «Земля с идеалистической традицией, каковой является Америка, не может основывать свою политику на равновесии сил как единственном критерии по установлению нового мирового порядка»³¹. Расширяется организация и географически, устремляясь и на Дальний Восток, и в регион Тихого океана, в Южное полушарие, охотясь за присоединением Новой Зеландии, Австралии, Японии, Южной Кореи. Гиперактивная экспансия простирается в Евразии точно до западных и южных границ России. За последние 10 лет к пакту присоединились почти все бывшие страны соцлагеря, страны Прибалтики; Украина и Грузия *бьют копытом* в ожидании приглашения. Таким образом, в стратегически важ-

ном для США Черноморском регионе остался только один воображаемый противник – Россия со значительной территорией и все еще базирующимся в Севастополе флотом.

Сегодня, как и прежде, цель нового *натиска на Восток* прозрачна – нейтрализация России. Грузинский кризис 2008 г. выплеснул на поверхность американский проект *шелкового пути*, представленный в Конгрессе еще в 1999 г. Его цель – создание защищенной сети коридоров, которые свяжут Запад с Центральной Азией и Дальним Востоком (*транс-евроазиатская система безопасности*) и приведут к ослаблению политического и экономического давления с юга (Иран, Ирак), севера (Россия) и востока (Китай). Таким образом, энергия и ее пути оказались бы под американским контролем и свободными от непредвидимого поведения стран Залива. *Геостратегический гуру* Збигнев Бжезинский не раз высказывался об императиве американского превосходства над просторством от Балтики до Центральной Азии. Общеизвестно и не столь давнее *неосторожное* высказывание Мадлен Олбрайт о том, что природные ресурсы российской Сибири должны принадлежать всему человечеству (будто продолжение программы Ротшильда, второй этап которой подразумевает отсоединение Западной Сибири от России).

Отныне ясно: все новые политические, военные и прочие глобальные союзы будут создаваться с целью обмена ресурсами, наиболее важными из которых уже становятся вода, нефть, газ, полезные ископаемые. В воздухе пахнет новой мировой войной – *жидкой* взамен холодной. По счастью, оформляются и укрепляются иные региональные блоки, отражающие многополярность мира – к примеру, ШОС, имеющая свое видение развития транспортных и энергетических коридоров, что наверняка станет барьером на пути американской экспансии на Кавказе (у всех на слуху проект нефтепровода «Набукко» – от Баку через Грузию, в обход России, в противовес *Южному потоку*) и в Центральной Азии.

Что касается линии от Балтийского до Черного моря, единственным государством, стоящим (и пока твердо) на пути *санитарного* ограждения России, является Белоруссия, чья внешняя политика направлена как на защиту собственных национальных интересов, так и на сотрудничество с Москвой. И если, взглянув на карту Европы, Белоруссию не заметить невозможно, то с точностью определить, где находится Сербия, Западу было бы куда сложнее, не будь она географическим преткновением на пути натовского *обруча* вокруг России – ведь в нем Сербия является реальным недостающим звеном и как государственное образование, и как территория. Именно через Сербию диагонально проходят стратегические коридоры *E-70* и *E-75*, ведущие из Западной Европы в Восточную, а дальше в Турцию, Центральную Азию и на Ближний Восток.

СЕРБИЯ – МЕТАФОРА РОССИИ

В период событий последних десятилетий Сербии неожиданно был приписан лестный имидж *метафоры России*³². Настает время целевой работы над этим имиджем. Автор данной статьи не относится к числу тех, кто морщится, когда слышит, казалось бы, тривиальные, но отнюдь не пустые сентенции о вековом русско-сербском братстве, об исторических связях на политическом, культурном, религиозном уровне, берущих свое начало еще в 1509 г., о том, что по легенде сербский флаг – это перевернутый российский, о том, что сербы – единственный народ в Европе, с которым Россия не воевала никогда, в то время как общих врагов всегда было предостаточно. Параллели можно провести абсолютно во всех сферах: даже русофобия в бывших республиках СССР (украинцы со своим *голодомором*, грузины – с *советской оккупацией*, прибалты – с уничтожением памяти о советских воинах) перекликается с сербофобией в бывших республиках СФРЮ. Пусть звучит пафосно и эмоционально, но не отменяет истины: это два взаимоприлегающихся народа с общей традицией и ценностями. Не случайно, как сказал один сербский литератор и интеллектуал, «иноверцы в сербах видят русских, а в русских – сербов»³³. Именно поэтому очевидное в последнее время возвращение России в Восточную Европу и, в частности, в Сербию отнюдь не у всех вызывает умиление.

Строго говоря, Сербия никогда не выпадала из поля зрения российской международной политики. Всем памятна и беспрецедентная *петля Примакова* в день начала бомбардировок в 1999 г., и усилия и успехи в последние годы российской дипломатии в ООН (В.И. Чуркин, С.В. Лавров) и НАТО (Д.О. Рогозин). По рекомендации Д.А. Медведева российская делегация в апреле 2009 г. посетила Белград для того, чтобы оказать помощь в завершении строительства Храма Святого Савы, а памятник святому работы российского скульптора красуется перед входом в храм уже с 2003 г. В недавнем прошлом А.И. Солженицын и патриарх Алексей вопреки тенденции демонизации сербов не боялись писать о них правду, а сегодня эту традицию продолжает, среди прочих, Н.А. Нарочницкая. Но люди в России по-прежнему, к сожалению, слишком мало знают о Сербии, ее истории, культуре. Возможно, кто-то *навскидку* и вспомнит Николу Теслу, Бранислава Нушича или Джордже Марьяновича. Пусть еще на слуху имена теннисистов и баскетболистов. Но вряд ли этого достаточно для поддержания чувства солидарности и близости двух народов на унифицированном пространстве современного мира. В развитии даже исторически добрых и потенциально прочных отношений необходимы постоянные инвестиции и на общественном, и на государственном уровне.

Немалый вклад в этот процесс внес приезд президента Д.А. Медведева в Белград в октябре 2009 г. Судя по степени отнюдь не куртуазных радушия и гостеприимства, оказанных российскому лидеру, это не просто высокие официальные слова. Далеко не каждый гость вне протокола чувствует себя желанным в Сербии.

Министр иностранных дел Сербии Вук Еремич отметил, что после визита президента Медведева Сербия «стала сильнее экономически, политически, регионально»³⁴. Речь, конечно, не идет о чистой филантропии России: во всех совместных инфраструктурных проектах есть реальная взаимная выгода. Так, в области энергетики подписано соглашение об основании совместного предприятия *Южный поток – Сербия* между российским *Газпромом* и *Сербиягазом*, которое займется строительством подземного газохранилища Банатский Двор. Уже сегодня 51% акций двух сербских нефтеперерабатывающих заводов принадлежат российской компании *Газпромнефть*, и ожидается, что по завершении мирового экономического кризиса и модернизации заводов с российской помощью они смогут поставлять продукцию на рынки всего Балканского полуострова. На стыке экономики и политики находится еще одна договоренность – план строительства одного из важнейших стратегических объектов России в Юго-Восточной Европе, Центра по чрезвычайным ситуациям. Этот гуманитарный центр будет строиться в городе Ниш – том самом, где 10 лет назад падали бомбы, разминированием которых российские специалисты занимаются по сей день. МЧС России планирует, что к проекту со временем подключатся Греция, Болгария, Черногория, Македония, а, помимо реагирования в ситуациях природных катастроф, функциями Центра станут защита и спасение от разного рода *неожиданностей* в целом регионе, включая и охрану *Южно-го потока*³⁵.

Не последним по значимости стал и подписанный в Белграде проект проведения в ближайшие два года дней духовной культуры двух стран – сначала в Сербии, а затем и в России. В последние годы в Сербии возрождается интерес к русскому языку. К сожалению, его изучение в центре российской культуры Белграда по карману далеко не всем; да и посещать школу при Посольстве РФ могут позволить себе только дети бизнесменов и политиков. Думается, и в этом смысле забота о расширении *русского мира* явилась бы не только одним из способов осуществления российских национальных интересов, но и подтверждением того, что Сербии пора занять позицию лидера держав в регионе, а у славянских народов есть, как писал Ф.М. Достоевский, «огромный магнит – Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство»³⁶.

В очередной раз озвучив в Белграде идею новой архитектуры безопасности для Европы, российский президент отдельно коснулся темы возможной европейской интеграции Сербии: «У Москвы нет и не может быть никакой аллергии по поводу вступления в ЕС новых членов»³⁷. И в то же время отметил, что «в Европе еще долго будут существовать государства, не принадлежащие НАТО или каким-то другим структурам»³⁸. Рос-

сия, таким образом, осторожно оставляет за своими партнерами свободу выбора: географически и цивилизационно место европейской державы – в Европе, но и наличие такого мощного союзника, как Россия, придает уверенности, что Сербия не останется в изоляции. С одной стороны, с 2000 г. между Россией и Сербией действует договор о свободной торговле, так что и экономическая альтернатива Европе у Сербии есть. С другой, если Сербия войдет в ЕС, она будет единственным его членом, у которого Россия имеет мажоритарный пакет компании в нефтяной промышленности.

И даже к маловероятному вступлению Сербии в НАТО можно пока относиться без серьезных опасений. Как остроумно заметил в одном интервью генерал КГБ в отставке: «Если хотите, чтобы все тайны НАТО лежали на столе в Кремле, пустите в НАТО сербов!»³⁹ Зато есть основания опасаться, что балканский процесс не окончен. С одной стороны, мусульманские силы целенаправленно пытаются связать Сараево и Тирану через уже почти не сербское Косово и пока еще как бы сербский Ново-Пазарский санджак на юге. С другой – все активнее стремится к некоторому виду самостоятельности северная часть страны – Воеводина.

Именно поэтому через знакомство или воспоминание о балканских событиях я предложила в этой статье читателям не просто подобраться к разгадке феномена драмы последних десятилетий (как видим, многие ответы лежат на поверхности), но и (а это сейчас гораздо важнее) понять, что нужно делать. 🐾

Примечания

- ¹ Vladika Nikolaj. O bogu i ljudima. Љабас: Glas Crkve, 2002. S. 26.
- ² Даже во всеми забытой и долгое время находившейся в изоляции Албании, неожиданно превратившейся в наши дни в важный и дестабилизирующий фактор Балканского региона, именно тогда произошли радикальные изменения, вызванные, в первую очередь, уходом из жизни единственного лидера и поборника сталинизма Энвера Ходжи.
- ³ Во времена Тито инвестиции в разные районы страны осуществлялись чрезвычайно тенденциозно – до сих пор сказывается серьезная качественная разница между бывшими западными и восточными республиками Югославии, например, в дорожно-транспортной инфраструктуре; известные когда-то всей Европе и даже СССР марки бытовой техники *Горение*, пищевой промышленности *Подравка* и *Краш*, фармацевтики *Плива* и *Крка* и многие другие остались на *западных территориях*; по-прежнему пользуются популярностью раскрученные именно во времена Тито курорты Истрии и Далмации.
- ⁴ Название *Косово* и *Метохия* едва ли случайно во многих СМИ сокращается до Косово, поскольку *метох* в переводе означает *церковный приход*, что, собственно, является неопровержимым доказательством исторической принадлежности земли.
- ⁵ Церовић Вуксан. Косово: Контрреволюција која тече. Београд: *Нова Књига*, 1989. 444 с.
- ⁶ Yugoslavia Transformed. National Intelligence Estimate, Director of Central Intelligence, Langley, VA, 1990, 18 October.
- ⁷ Binder David. Yugoslavia Seen Breaking Up Soon: C.I.A. Paper Predicts Action in 18 Month and Adds Civil War is Likely, *New York Times*, November 28, 1990.
- ⁸ Сысоев Геннадий. Проект «Косово». *Коммерсантъ-Власть*, №7, 2008, 25 февраля, <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=856124> (последнее посещение – 20 марта 2010 г.).
- ⁹ Автор имеет в виду, в первую очередь, книги Kaplan Robert. *Balkan Ghosts, A Journey Through History*. N.Y.: Vintage Books, 1993; Malcolm Noel. *Bosnia: A Short History*. N.Y.: *New York University Press*, 1994 и сборник *The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict*. Washington, DC: *Carnegie Endowment for International Peace*, 1993.
- ¹⁰ Именно в августе 1995 г. автор впервые оказалась в Белграде. И первым впечатлением о стране по дороге из аэропорта в город стали колонны повозок с беженцами, тянущиеся по правой стороне автомагистрали куда-то в бесконечность. Малоизвестные современному городскому жителю

картинки подвод с рухлядью, усталых лошадей, понурых седоков. Ужасы войны из перспективы московского кресла перед телевизором невозможно сравнить с личными ощущениями на месте событий. И еще одна деталь. Годом раньше, летом 1994 г., автора пригласили посетить Хорватию. Резонные страхи по поводу военной обстановки принимающая сторона развеяла словами: «Ну, что ты! Хорватия на своей территории не воюет!» Это успокоило тогда, но теперь циничный подтекст аргументации приобрел иной смысл.

- ¹¹ BBC показал полулегально снятый чешскими документалистами фильм об этом учреждении.
- ¹² Del Ponte Carla, Sudetic Chuck. *Gospo a tužiteljka: suo avanje s najtežim ratnim zlo inima i kulturom nekañnjivosti*. Beograd: Profil knjiga, 2008. 376 s.
- ¹³ Деретић Јован И. Срби и арбанаси. Београд: *Ј. Деретић*, 2005. 208 с.
- ¹⁴ Цит. по: Симић Предраг. Тито и НАТО. Београд: *Новости*, 2008. С. 197.
- ¹⁵ *Милостивий ангел* – название операции НАТО в Югославии.
- ¹⁶ Briody Dan. *Halliburton Agenda: The Politics of Oil and Money*. New Jersey: John Wiley & Sons, 2004. P. 198-199.
- ¹⁷ *EULEX* – специальная миссия Европейского Союза в составе 2000 гражданских лиц и представителей правоохранительных органов, предназначенная для отправки в Косово в рамках плана Ахтисаари.
- ¹⁸ Романо Серђо. Косово је фалсификат независне државе. *Печат*. 2009. № 55, март. С. 42.
- ¹⁹ Чавошки Коста. Староседеоци као «уселјеници». *Печат*. 2009. № 58, апрель. С. 12.
- ²⁰ Латинковић Филип. Санадер по трећи пут у Београду. *Печат*. 2009. № 56, март. С. 24.
- ²¹ Петковић Петар. Тврђава без војске. *Печат*. 2009. № 57, апрель. С. 31.
- ²² Мировић Дејан. Брисел нам уништава економију. *Печат*. 2009. № 58, апрель. С. 26.
- ²³ Автор при этом не склонна доверять данным социальных опросов, проводимых в сегодняшней Сербии: они чаще всего заказные, обслуживают заинтересованные группы и поэтому всегда очень разные – в зависимости от идеологической принадлежности телевизионного канала, газеты или журнала, в котором увидят свет; безусловно, есть позиции, по которым результаты анкетирования совпадают.
- ²⁴ Петковић Петар. Тврђава без војске. *Печат*. 2009. № 57, апрель. С. 31.
- ²⁵ *Nihil potest evenire, nisi causa antecedente* – Ничто не происходит без причины (лат.).
- ²⁶ Достоевский Ф.М. *Дневник писателя*. СПб.: *Азбука*, 1999. С. 412.
- ²⁷ Klein Naomi. *The Shock Doctrine*. L.: *Penguin Books*, 2008. P. 328.
- ²⁸ Kisindžer Henry. *Diplomatija*. Beograd: *Verzalespres*, 1999. S. 727.
- ²⁹ Цит. по: Lind Michael. *American Way of Strategy*. N.Y.: *Oxford University Press*, 2006, P. 114.
- ³⁰ См.: Симић Предраг. Тито и НАТО. Београд: *Новости*, 2008. С. 183.
- ³¹ Kisindžer Henry. *Diplomatija*. Beograd: *Verzalespres*, 1999. S. 739.
- ³² Цит. по: Симић Предраг. Тито и НАТО. Београд: *Новости*, 2008. С. 183.
- ³³ Брана Црнчевић. Колико Србија треба да буде мала да не би била велика. *Печат*. 2009. № 54, март. С. 19.
- ³⁴ Баковић Б. Како је дочекан руски председник. *Политика*. 2009, 21 октябра. С. 5.
- ³⁵ Мрдић Углјеша. Руси у Нишу. *Печат*. 2009. № 87, октябрь. С. 14.
- ³⁶ Достоевский Ф.М. *Дневник писателя*. СПб.: *Азбука*, 1999. С. 416.
- ³⁷ Цит. по: Богдан Ђуровић. Дођох, видех... *Печат*. 2009. № 86, октябрь. С. 9.
- ³⁸ Цит. по: Богдан Ђуровић. Дођох, видех... *Печат*. 2009. № 86, октябрь. С. 9.
- ³⁹ Филатов Виктор. *Svet e slušati Rusiju*. *Pe at*. 2008. № 30, сентябрь. S. 17.